

ТАЙНЫ КРЕМЛЕВСКОГО ДВОРА

№ 1 1990

БОРИС ЕЛЬЦИН

ДЛЯ

КОММУНИЗМ ИЗБРАННЫХ

— огромные апартаменты, и опять кругом роскошь: сервизы, хрусталь, ковры, люстры. А врачи, боясь ответственности, поодиночке ничего не решают. Обязательно собирается консилиум из пяти, десяти, а то и более высококвалифицированных специалистов. В Свердловске меня наблюдал один врач, Тамара Павловна Курушина, терапевт, знала меня досконально, в любой ситуации точно ставила диагноз, сама решала, как поступить, если появлялись головная боль, недомогание, простуда, слабость.

писей врачей, — только такое «проверенное» лекарство и может быть применено. Да мало ли таких «спец» в самых, казалось бы, незначительных мелочах, взлелеянных системой?!

Отпуск — и выбирай любое место на юге, спецдача обязательно найдется. Остальное время дачи пустовали. Есть и другие возможности для отдыха, поскольку кроме обычного летнего отпуска существует еще один — зимний — две недели. Есть замечательные спортивные сооружения, но только для спец-

Нынче, конечно, времена переменились, но суть осталась. Также некий широкий ассортимент благ выдается месту, которое кто-то занимает, но на каждом благе, начиная от мягкого кресла с жестким номерным знаком и кончая дефицитным лекарством со штампом Четвертого управления, — печать системы. Чтобы человек, который по-прежнему винтик, не забывал, кому на самом деле все это принадлежит.

III

Но продолжу свой рассказ о льготах. При каждом из секретарей ЦК, члене или кандидате в члены Политбюро существует старший группы охраны, он же порученец, организатор. Моего старшего, внимательного человека, звали Юрий Федорович. Одна из основных его обязанностей как раз и заключается в том, чтобы организовать выполнение любых просьб своего... чуть было не сказал «барина» — своего подопечного.

I

Аппарат ЦК функционирует, давая всей стране команды и указания. Но сам аппарат тут ни при чем, просто именно таким — удобным и послушным — он нужен верхушке партии. «Самостоятельный и независимый инструктор ЦК КПСС» — такое сочетание слов язык даже выговорить не может.

Угодливость и послушание оплачиваются льготами, спецбольницами, санаториями, прекрасной «кремлевской» столовой и таким же замечательным столом заказов, «кремлевской», транспортом. И чем выше поднимаешься по служебной лестнице, тем больше благ тебя окружают, тем больше и обиднее их терять, тем послушнее и исполнительнее становишься. Все продумано. Завсектором не имеет личной машины, но имеет право заказывать ее для себя и для инструкторов. Заместитель заведующего отделом уже имеет закрепленную «Волгу», у заведующего «Волга» получше, со спецсвязью.

А если уж ты забрался на вершину пирамиды партийной номенклатуры, тут все — коммунизм наступил! И оказывается, для него совсем не надо мировой революции, высочайшей производительности труда и всеобщей гармонии. Он вполне может быть построен в отдельно взятой стране для отдельно взятых людей.

Про коммунизм — это я не утрирую, это не просто образ или преувеличение. Вспомним основной принцип светлого коммунистического будущего: «От каждого по способностям, каждому по потребностям». Тут все именно так.

Про способности я уже говорил, их, к сожалению, не слишком много, зато потребности!.. Потребности так велики, что настоящий коммунизм пока удалось построить для двух десятков человек.

Коммунизм создает Девятое управление КГБ.

Всемогущее управление, которое может все. И жизнь партийного руководителя находится под его неусыпным оком, любая прихоть выполняется. Дача за зеленым забором на Москва-реке с большой территорией, с садом, спортивными и игровыми площадками, с охраной под каждым окном и с сигнализацией. Даже на моем уровне кандидата в члены Политбюро — три повара, три официантки, горничная, садовник со своим штатом. Я, жена, вся семья, привыкли все делать своими руками, не знали куда себя деть — здесь эта, так сказать, самодеятельность просто не допускалась. Удивительно, что эта роскошь не создавала удобства или комфорта. Какую теплоту внутри жилого помещения может создать мрамор?

С кем-то просто встречаться, контактировать было почти невозможно. Если едешь в кино, театр, музей, в любое общественное место, туда сначала отправляется целый наряд, все проверяет, оцепляет, и только потом можешь появиться сам. А кинозал есть прямо на даче, каждую пятницу, субботу, воскресенье специально появляется киноменник с набором фильмов.

Медицина — самая современная, все оборудование импортное, но последнему слову науки и техники. Палаты

К этим безответственным консилиумам в Четвертом управлении относился с большим подозрением. Когда я перешел в обычную районную поликлинику, у меня вообще перестала болеть голова, стал чувствовать себя гораздо лучше. Уже несколько месяцев не обращаюсь к врачам. Может быть, это совпадение, но очень символическое. А когда ты — в Политбюро, то закрепленный только за тобой врач обязан ежедневно осматривать тебя, но над ним, как дамклов меч, висит отсутствие профессиональной, человеческой свободы.

II

«Кремлевский паек» оплачивался половиной его стоимости, а входили туда самые отборные продукты. Всего спецпайками разной категории в Москве пользовались 40 тысяч человек. Секции ГУМа специально предназначены для высшей элиты, а контингент начальников чуть пониже — уже другие спецмагазины, все по рангу. Все спец — спецмастерские, спецбытовки, спецполиклиники, спецбольницы, спецдачи, спецдома, спецобслуга... Какое слово! Помните, понятие «спец» — специалист, особо одаренный Левша блоху подковал, другие тысячи и тысячи мастеровых, которые действительно были спецами. А теперь это слово — «спец» — имеет особый смысл, всем нам хорошо понятный. Тут самые отличные продукты, которые готовятся в спецпечах и проходят особую медицинскую проверку; лекарства, имеющие несколько упаковок и несколько под-

пользования, например, на Воробьевых горах — корты, закрытые и открытые, большой бассейн, сауна.

Поездки персональным самолетом. Летит ИЛ-62 или ТУ-134 — в нем секретарь ЦК, кандидат в члены или член Политбюро. Один. Рядом лишь несколько человек охраны и обслуживающий персонал.

Тут забавно то, что ничего им самим не принадлежит. Все самое замечательное, самое лучшее — дачи, пайки, отгороженное от всех море — принадлежит системе. И она как дала, так и отнять может. Идея, по сути своей, гениальная. Существует некий

человек — Иванов или Петров, неважно, — растет по служебной лестнице, и система выдает ему сначала один уровень спецблаг, поднялся выше — уже другой, и чем выше он растет, тем больше специальных радостей жизни падает на него. И вот Иванов проникается мыслью, что он лицо значительное. Ест то, о чем другие только мечтают, отдыхает там, куда остальных и к забору не подпускают. И не понимает глухой Иванов, что не его это так облагодетельствовало, а место, которое он занимает. И если он вдруг не будет верой и правдой служить системе, сражаться за нее, на месте Иванова появится Петров или кто угодно другой. Ничто человеку в этой системе не принадлежит. Сталин умудрился отточить этот механизм до такого совершенства, что даже жены его соратников не принадлежали им самим, они тоже принадлежали системе. И система могла отобрать жен, как отобрала у Калинина, Молотова, да они даже шикнуть не посмели.

основных его обязанностей как раз и заключается в том, чтобы организовать выполнение любых просьб своего... чуть было не сказал «барина», — своего подопечного.

Надо новый костюм справиться — пожалуйста: ровно в назначенное время в кабинете тихонечко раздастся стук, портной в комнате обмеряет тебя сантиметром, на следующий день заглянет на примерку, и — извольте — прекрасный костюмчик готов.

Есть необходимость в подарке для жены на 8 Марта. Тоже проблем нет: принесут каталог с целым набором вариантов, который удовлетворит любой, даже самый изощренный женский вкус — выбери! Вообще, к семьям отношение уважительное. Отвезти жену на работу, с работы, детей на дачу, с дачи — для этих целей служит закрепленная «Волга» с водителями, работающими посменно, и с престижными номерами. «ЗИЛ», само собой, принадлежит отцу семейства.

Забавно, что вся эта циничная по сути своей система вдруг дает сбой по отношению к родным главы семейного клана. Например, когда охрана проводила инструктаж с женой и детьми, было потребовано, чтобы они не давали мне овощи и фрукты с рынка, поскольку продукты могут быть отравлены. И когда дочь робко спросила, можно ли есть им, ей ответили: «Вам можно, а ему нельзя».

То есть вы — травитесь, а он — святое...

Москвичи обычно останавливаются, когда по улицам города, шуриша шинами, на большой скорости проносятся правительственные «ЗИЛы». Останавливаются не из большого почтения к сидящим в машине, а потому, что зрелище это действительно впечатляющее. «ЗИЛ» не успел еще выехать за ворота, а уже по всему маршруту следования оповещаются посты

ГЛН. Всюду дается зеленый свет, машина мчится без остановок, быстро, приятно. Видимо, высокие партийные руководители забыли, что существуют такие понятия, как «пробка», светофор и красный свет.

Членов Политбюро по всему пути еще ведет и машина сопровождения, «Волга». Когда в мой адрес поступило несколько предупреждений с угрозами, мне тоже выделили такую «Волгу». Я потребовал, чтобы ее убрали, но получил ответ, что вопросы моей безопасности — не моя компетенция. Так что некоторое время убить меня было совсем невозможно. Кругом была охрана. К счастью, вскоре дополнительную охрану сняли.

«ЗИЛ» рядом со мной круглосуточно. Где бы я ни находился, машина со связью всегда здесь же. Если приехал ночевать на дачу, водитель располагается в специальном доме, чтобы в любой момент можно было выехать.

холл с камином, из него выход в солярий — стоят шезлонги, кресла-качалки. Дальше кабинет, спальня, еще две

комнаты непонятно для чего, опять туалеты, ванны. И всюду хрусталь, старинные и современные люстры, ковры, дубовый паркет и все такое прочее.

эстетический дистиллированный оазис внести нечто человеческое, бурное и азартное. Надо честно признать, удавалось мне это с большим трудом.

Может быть, я выскажу не бесспорное мнение, но думаю, перестройка не застыла бы даже при всех тех ошибках в тактике, которые были совершены, если бы Горбачев лично смог переломить себя в вопросах спецблаг. Если бы сам отказался от совершенно ненужных, но привычных и приятных привилегий. Если бы не стал строить для себя дом на Ленинских горах, новую дачу под Москвой, перестраивать еще одну дачу в Пицунде, а затем возводить новую, суперсовременную, под Форосом. И в конце концов с пафосом говорить на Съезде народных депутатов, что у него вообще нет личной дачи. Как же лицемерно это звучало, неужели он сам этого не понимал? Все могло бы пойти иначе, ибо не была бы утеряна вера людей в провозглашенные лозунги и призывы. Без веры невозможны никакие самые светлые, самые чистые преобразования. А когда люди знают о вопиющем социальном неравенстве и видят, что лидер ничего не делает, чтобы исправить эту бесстыдную экспроприацию благ высшей партийной верхушкой, испаряются последние капельки веры.

Когда мы закончили обход, старший охраны радостно спросил: «Ну, как?». Я что-то невнятное промычал. Семья же была просто ошарашена и подавлена.

Больше всего убила бессмысленность всего этого. Я сейчас даже не говорю о социальной справедливости, расхождении общества, огромной разнице в уровнях жизни. Это само собой понятно. Но

вот так-то зачем? Почему понадобилось так абсурдно реализовывать мечту об удовольствии и собственном партийно-номенклатурном величии? Такое количество комнат, туалетов и телевизоров

А «ЗИЛ» для жены? А инициатива Горбачева поднимать заработную плату составу Политбюро? Люди все это как-то узнают, скрыть ничего невозможно. У меня дочери на работе дают по куску мыла в месяц, хватает с трудом. Когда жена по два, по три часа ходит по магазинам и не может купить самого элементарного, чтобы накормить семью, даже она — спокойная, уравновешенная — начинает нервничать, переживать, расстраиваться.

Конечно, никуда наша номенклатура не денется, придется ей и отдавать свои дачи, и отвечать перед людьми за то, что цеплялись руками, ногами и зубами за свои блага. Да и сейчас уже начинают они платить по счетам за свое номенклатурное величие: провалы партийных и советских функционеров на выборах — это как раз первый звоночек. Они вынуждены уже сейчас делать шаги навстречу требованиям трудящихся. Но уступки делаются с таким трудом, с таким скрипом; от благ так не хочется отказываться, что в ход идут любые ухищрения, вплоть до прямого обмана, лишь бы процесс этот притормозить.

Заявил недавно Рыжков, что прекращается выдача продовольственных пайков, специальный магазин на улице Грановского закрыт. Действительно, закрыт, но пайки как выдавались, так и выдаются, только теперь их рассредоточили по столам заказов. Все осталось по-прежнему. Несут водители партийных и советских руководителей, министров, академиков, главных редакторов газет, прочих больших начальников авоськи, нагруженные деликатесами,

«тиков, ни простого анальгина, ни аскорбинки?»

Или вот совсем свежая ситуация. Летом, когда шла ессня, я писал эту книгу урывками: то ночью, придя с заседания, то по воскресеньям, в общем, времени для нормальной, полноценной работы не хватало. В августе были объявлены каникулы для депутатов, и я решил вплотную заняться рукописью. В кабинете это, естественно, сделать невозможно — миллион проблем, дома — тоже, от звонков не уйти, и я решил на пару недель снять дачу под Москвой, там уж меня никто не найдет. И тут выясняется, что в августе снять дачу нельзя, это можно сделать ранней весной. Начинаются судорожные поиски уже не дачи, а любого маленького домика, где можно уединиться. Каникулы короткие, дорог каждый час. Тогда я много наслушался упреков — вот, вы со своей социальной справедливостью и получили по заслугам, нельзя было от государственной дачи отказываться, работать-то негде, книжку бы написали, потом и отказывались сколько угодно... В конце концов, домик мы все-таки нашли. Главное достоинство, что очень далеко от Москвы, около двухсот километров. Природа, конечно, замечательная — птицы, лес, грибы. А что касается всех остальных удобств — они на улице. Вот в таких естественных, живых условиях рождалась эта книга.

Но, впрочем, я отвлекся. Итак, разговор о привилегиях. Конечно, хочется есть вкусную здоровую пищу, хочется, чтобы врачи к тебе были ласковы и внимательны, хочется отдыхать на прекрасных пляжах и так далее. И вполне естественно, отказавшись от всего этого, моя семья тут же столкнулась с множеством проблем, точно таких же, какие возникают в миллионах советских семей.

Вы читаете главу из книги Б.Н.Ельцина "ИСПОВЕДЬ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ"

Про дачу — отдельный рассказ. До меня она принадлежала Горбачеву, он переехал на другую, вновь выстроенную для него.

Когда я подъехал к даче в первый раз, у входа меня встретил старший караула, он познакомил с обслугой — поварами, горничными, охраной, садовником и т. д. Затем начался обход. Уже снаружи дача убивала своими огромными размерами. Вошли в дом — холл метров пятьдесят с камином, мрамор, паркет, ковры, люстры, роскошная мебель. Идем дальше. Одна комната, вторая, третья, четвертая, в каждой — цветной телевизор, здесь же, на первом этаже, огромная веранда со стеклянным потолком, кинозал с бильярдом, в количестве туалетов и ванн я запутался, обеденный зал с немислимым столом метров десять длиной, за ним кухня, целый комбинат питания с подземным холодильником. Поднялись на второй этаж по ступенькам широкой лестницы. Опять огромный

такой же набор мебели, туалетов и телевизоров одновременно не нужно никому, даже самому выдающемуся деятелю современности.

А кто платит за все это? Платит Девятое управление КГБ. Интересно, кстати, по какой статье списываются эти расходы? Борьба со шпионами? Подкуп иностранных граждан? Или по более романтической статье, например, космическая разведка?..

Для проведения отпуска также был богатый выбор: Пицунда, Гагры, Крым, Валдай, другие места. Старшему охрану выдавали, если не ошибаюсь, что-то около четырех тысяч рублей — это, так сказать, на карманные расходы. То есть зарплату на отпуск можно было не тратить. На этих летних дачах, все те же богатство и роскошь.

К морю подвозят на машине, хотя от дачи до него метров двести, не больше. Я, конечно, шагал сам, вообще пытался как-то встряхнуться, организовывал волейбольные команды, мы с дочерью, моим помощником и водителем играли против охраны, они ребята молодые, мощные, здоровые, а мы все равно часто выигрывали. Короче, хоть как-то я пытался в этот коммуни-

ной верхушкой, испугаются последние капельки веры.

Почему Горбачев не смог этого сделать? Мне кажется, тому виной его внутренние качества. Он любит жить красиво, роскошно, комфортно. Ему помогает в этом отношении его супруга. Она, к сожалению, не замечает, как внимательно и придирчиво следят за ней миллионы советских людей, особенно женщины. Ей хочется быть на виду, играть заметную роль в жизни страны. Наверняка в сытом, богатом, довольном обществе это было бы воспринято нормально и естест-

венно, но только не у нас, по крайней мере, не сейчас. Это тоже ошибка Горбачева: он не чувствует реакции людей.

Да, впрочем, откуда он может ее чувствовать, если прямой и обратной связи с народом у него нет. Его встречи с трудящимися — маскарад, да и только: несколько человек стоят, разговаривают с Горбачевым, а вокруг целая цепь охраны. А людей этих, проверенных, изображающих народ, на специальных автобусах подвозили... И всегда это — монолог. Ему что-то говорят, а что, он не слышит и слышать не хочет, говорит что-то свое... Да, картина невеселая.

ших начальников авоськи, нагруженные деликатесами, складывают в багажники черных автомобилей и увозят в дома к своим шефам.

Я пишу эти строки, не зная результатов работы комиссии по незаслуженным привилегиям и льготам. Не знаю, что решит второй Съезд народных депутатов, рассматривая эти вопросы. Но думаю, больше такого бесстыдства не будет. Мы уйдем, и, надеюсь, навсегда от кастово-номенклатурного способа распределения благ к цивилизованному, где единственным мериллом всех материальных ценностей будет заработанный рубль. Очень надеюсь на это.

Когда за спиной про меня говорят, что отказался от всех привилегий — дач, пайков, спецполиклиники и прочего — ради популярности, чтобы подыграть чувствам толпы, жаждающей уравниловки и требующей, чтобы все жили одинаково плохо, я на эти слова не обращаю внимания

и не обижаюсь. Понятно, кто их говорит и почему. Но есть люди совсем другие — мои друзья, союзники, те, кто хорошо ко мне относится, — они тоже иногда, особенно когда возникает конкретная ситуация, говорят, например: зачем вам понадобилось отказываться от Четвертого управления? Где теперь лекарства доставать (а я в этот момент как раз простудился); ничего же нет: ни антибио-

Вообще, жить, как живет весь цивилизованный мир, очень хочется. И поэтому никогда не пойму Горбачева, который, я уже писал об этом, на Съезде гордо произнес, что у него нет личной дачи. Чем здесь гордиться, чему радоваться? Плохо, что нет. Должна быть у Генерального секретаря личная дача, построенная на деньги, заработанные личным трудом, как у рабочего, писателя, инженера, учителя... Но лично-государственная — это для него лучше.

А пока этого нет, пока мы живем так бедно и убого, я не могу есть осетрину и заедать ее черной икрой, не могу мчать на машине, минуя светофоры и шарахающиеся автомобили, не могу глотать импортные суперлекарства, зная, что у соседки нет аспирина для ребенка.

Потому что стыдно.

- покупайте и читайте "ТАЙНЫ КРЕМЛЕВСКОГО ДВОРА"

© Bielsamizdat

ЦЕНА УМЕРЕННО - КООПЕРАТИВНАЯ
ТРЕБУЙТЕ НОМИНАЛА !

ГАЗЕТА ИНФОРМАЦИОННОГО
АГЕНТСТВА "БЕЛСАМИЗДАТ".
(МЕНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ)